

**СОЦИАЛЬНАЯ ДИДАКТИКА В ЦЕРКОВНОЙ ПОУЧИТЕЛЬНОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ XIII ВЕКА НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКИХ ПРОПОВЕДЕЙ
БЕРТОЛЬДА РЕГЕНСБУРГСКОГО****Е. А. Киселева***Воронежский государственный университет*

Данная статья посвящена рассмотрению социального устройства средневекового германского общества и его отражению в материалах церковной дидактической литературы. На примере текстов проповедей выдающегося немецкого проповедника Бертольда Регенсбургского (около 1210—1272) проводится подробный анализ сословного устройства, имущественного неравенства и товарно-денежных отношений. Отдельно исследуется степень влияния социального и экономического развития средневекового христианского общества на структуру и содержание проповеднической литературы того времени.

Массовый рост городов в Западной Европе в XII—XIII веках, развитие товарно-денежного хозяйства обусловили изменения в социальной сфере. Наряду со свойственными феодальному строю личностными отношениями господства-подчинения все более широкое распространение получают экономически регулируемые отношения между людьми. Интенсивное развитие товарно-денежной экономики приводит к утверждению модели хозяйственного поведения, ориентированной на получение максимальной прибыли, что находилось в противоречии с традиционными церковными установками. Перед церковью как организующей силой средневекового общества стояли задачи толкования окружающей действительности, формирования образа мышления и поведения широких слоев населения в соответствии с предписываемыми нормами. Функцию популяризации взглядов церкви на общественные процессы осуществляли появившиеся в начале XIII века нищенствующие монашеские ордена. Их возникновение можно расценивать как реакцию на растущий успех еретических движений. Мендиканты воплощали новую точку зрения на монашескую аскезу, связанную не с уходом от мира, но с идеалом странствующего проповедования. Проповедуя преимущественно в городах, находясь в гуще событий, монахи не могли ограничиваться лишь жесткой критикой отдельных явлений, необходимо было принятие условий жизни и труда городского населения.

С появлением нищенствующих орденов, в особенности францисканцев, связано возникновение литературы на народных языках. В Германии в XIII веке одним из центров литературной деятельности францисканцев был Аугсбург. Среди наследия аугсбургских миноритов до наших дней дошли проповеди, переданные под именем известного монаха-францисканца Бертольда Регенсбургского (ок. 1210—1272) [1]. Проповеди были составлены в 60—70-е гг. XIII века на средневерхненемецком языке с использованием аутентичных латинских трудов Бертольда и предназначались, по предположению исследователей, для чтения в кругах образованных благочестивых мирян [2].

Проповеди мендикантов на народных языках обозначают новую веху в средневековой церковной прозе. Проповедь до XII века включительно характеризуется своей несамостоятельностью в форме и содержании, строгой ориентировкой на гомилетику патристики, недостаточной систематизацией. Францисканцы и доминиканцы сочетают четкую структуру проповеди, свободное употребление библейского текста с расширением круга рассматриваемых тем [3]. Для немецких проповедей Бертольда Регенсбургского характерно стремление к наибольшей понятности и популярности, употребление фольклорных оборотов речи. Библейский текст в них является лишь поводом для становящейся более самостоятельной тематики проповедей, собственно теологическое содержание в них зачастую уступает место социальному, вопросам индивидуальной и общественной этики. В проповедь активно вовлекается аудитория, используются

мнимые диалоги и реплики слушателей, на которые тут же следует ответ проповедника, используется весь инструментарий искусства убеждения. Как раз в этом проявляется принципиальное отличие от учености более ранней средневековой гомилии — нацеленный анализ эмоций и рост напряжения противостоят сухой текстовой фразе. Причины изменений в форме и содержании проповедей следует видеть в их новых функциях. Еретические движения с XII века посредством странствующего проповедования и радикальных требований бедности поставили под угрозу господство официальной церкви. Католическая церковь в лице меникантов предприняла попытку ответить еретикам их же средствами. Францисканцы, поставленные папой на борьбу с еретиками, пытались в своей проповеднической деятельности имитировать свойственное еретикам искусство убеждения с целью поднять популярность официальной церкви. Эту двойную цель францисканского движения — соответствовать еретикам по стилю проповедования, с одной стороны, и одновременно выступать против них в теологических и социальных вопросах со всей тяжестью традиционной ортодоксальности, с другой, — преследуют также и проповеди Бертольда Регенсбургского.

Проповеди Бертольда представляют собой комплекс постоянно повторяющихся тем, наставлений, предостережений, осуждений пороков и похвалы добродетелей, преследующих свою цель. Обвиняя ремесленников и торговцев в обмане и обсчете, господ в нарушении мира и насилии, слуг в неверности, Бертольд не ограничивается критикой отдельных пороков. Жалуясь на то, что «все лгут, не стыдясь этого» [4], проповедник видит угрозу разрушения угодного Богу сообщества людей. Свое представление об общественном порядке Бертольд излагает в проповеди «О десяти хорах ангелов и христианского мира» [5], согласно которой земной мир устроен по образцу Царства Небесного, иерархически поделенного на десять ангельских хоров. Семь низших хоров находятся в услужении у трех высших, а высшие в ответ на эту службу исполняют свои обязательства перед низшими. В результате мятежа Люцифера от Бога отпали непокорные ангелы, ставшие впоследствии чертями. Подобно небесным хорам Господь поделил людей на десять сословий. Первые три сословия — клир, монашество и светские господа — являются правящими. Последующие шесть групп составляют представители различных профессий (ремесленники, торговцы, крестьяне), которые

должны служить высшим сословиям. Десятый хор, включающий бродячих музыкантов и поэтов, отпал от христианского общества.

Иерархический принцип общественного порядка представляется неоспоримым, так как установлен свыше: «Три высших сословия людей — самые благородные и знатные; сам Всемогущий Господь избрал их и определил для того, чтобы другие семь подчинялись и служили им» [6]. Сословное неравенство также не вызывает никаких сомнений: «Каждому человеку указал он его профессию, и именно так, как он этого хочет, а не так, как хочешь ты. Возможно, хотел бы ты быть рыцарем или господином, но, несмотря на это, ты должен быть сапожником, ткачем или крестьянином, как тебя сотворил Господь» [7].

Божественной волей постулируется также необходимость служения низших сословий высшим. Высшие, со своей стороны, за эту службу выполняют свои обязанности перед низшими. Таким образом, общество основывается на отношениях взаимных обязательств, которые связывают между собой обе группы.

Утверждая неоспоримое иерархическое разграничение сословий наряду с постулатом их взаимных обязательств, Бертольд принадлежит традиции сословного учения церкви, характеризующейся сочетанием противоречивых принципов. Тогда как представление об обществе как организме подчеркивает интеграцию всех его отдельных частей на общую цель подчинения Богу и выводит отсюда их принципиальную равноценность и взаимозависимость, то принцип иерархии провозглашает обязательным сословное неравенство [8]. Но, помимо традиционного объяснения, у Бертольда присутствует качественно новое обоснование общественного порядка, противостоящее простому насаждению власти и служения. С наибольшей отчетливостью это проявляется в критике шести профессиональных сословий. Рассматривая функции правящих хоров, Бертольд следует церковному учению о духовенстве и дворянстве, ограничиваясь традиционными формулировками без примеров реальной общественной практики. От духовенства требуется исполнять задачи духовного наставничества, справедливого суда и примерного христианского образа жизни; обращение к дворянству ограничивается призывом защищать слабых и беспомощных. Что касается профессиональных сословий, то критика последних включает конкретные примеры их деятельности, а их существование обосновывается осуществлением обществен-

но необходимой части труда [9]. Обращаясь к каждой из шести групп, проповедник следует определенной схеме: перечисляет профессии, относящиеся к названному сословию, неизменно подчеркивает, что «и без них нельзя обойтись ни в коем случае», призывает к добросовестному исполнению своего долга, приводит примеры прегрешений, встречающихся в данной профессии. При этом честный труд, с одной стороны, является выражением угодной Богу службы высшим сословиям, с другой стороны, обосновывается приносимой обществу пользой. Обман в ремесле и торговле расценивается не просто как преступление против установленного Богом порядка, но и как причинение ущерба потребителям. Так, Бертольд предостерегает торговцев от продажи испорченного мяса, так как это может нанести вред здоровью покупателя [10], или, обращаясь к портному, призывает его правильно снимать мерки, оговаривая, что «тогда сохранил бы ты свою честность, и людям была бы польза» [11].

Такой подход к объяснению общественного устройства как взаимной зависимости всех сословий на основе добросовестного исполнения каждым человеком возложенной на него доли общественно полезного труда, более полно раскрывается в проповеди «О пяти фунтах» [12]. Здесь профессия объявляется одним из пяти даров, полученных человеком от Бога: «Так наш Господь каждому человеку дал профессию; никого он не создал для праздности; все мы должны выполнять определенную задачу, благодаря которой обретем святость» [13]. В отличие от утвердившейся в эпоху раннего средневековья точки зрения, согласно которой работать должна лишь определенная часть общества [14], у Бертольда трудиться обязаны все без исключения. При этом Бертольд исходит из принципа разделения труда между отдельными сословиями. На каждого человека возложена часть общественных функций, которые он должен исполнять, оставаясь довольным своим положением: «Кто бы обрабатывал для нас поля, если бы все были господами? И кто бы делал для нас обувь, если бы ты был тем, кем хочешь?» [15]. Гарантией правильного порядка является добросовестное исполнение каждым членом общества дарованной Господом профессии. Нечестный труд ремесленника или торговца наносит ущерб потребителям соответствующего продукта. Обманутые, в свою очередь, вынуждены возмещать свои убытки, производя продукты с наименьшими затратами, используя некачественный материал или продавая по

завышенной цене. Эта цепь может продолжаться до тех пор, пока социальный порядок, основанный на разделении труда, не окажется под угрозой: «Так как то, что получит торговец в результате обвешивания, то украдет у него кабатчик своим вином и портной или его подмастерье своей одеждой» [16]. Таким образом, труд предстает всеобщим принципом организации общества и мерой правильного, угодного Богу поведения человека. В то же время не следует переоценивать значение рационального обоснования общественного устройства у Бертольда. Как отмечают исследователи, содержание учения Бертольда определяет не осознание решающей роли экономической составляющей общественных отношений, но понимание этической взаимосвязи между недобросовестным трудом и социальным беспорядком [17]. В качестве связующего принципа общественной организации для Бертольда в большей мере, нежели общественно полезный труд, является постулат всеобщего христианского братства: «Почему пятнаешь ты свое имущество обманом и воровством, что учиняешь ты своим ремеслом над твоими братьями, что значит, над твоими ближними? Ибо все мы должны быть братьями в Боге. Так, как иной согрешит по отношению к тебе, так ты согресишь по отношению к нему, и, если ты его обманешь, то он снова обманет тебя; или, если ты его обворуешь, то он тебя обворует тоже» [18].

Человеческое общество, по Бертольду, должно основываться на принципах солидарности, взаимопомощи и братской любви к ближнему. Но постулат братства ни в коем случае не подразумевает социального равенства. Очевидно, в этом выражалась полемика проповедника с требующими всеобщего равенства радикальными концепциями общественного порядка, пропагандируемыми еретиками. У Бертольда исключается любой протест против иерархического порядка как противоречащий божественной воле. Сословные границы должны оставаться неприкосновенными, и это в общих интересах, так как все сословия находятся в зависимости от деятельности друг друга [19]. Братская любовь богатых проявляется в сострадании к бедным, а бедных — в удовлетворенности своим сословием и бескорыстии в труде и службе. И, хотя, следуя христианским заповедям, Бертольд призывает накормить голодного, напоить жаждущего и одеть нагого, он подчеркивает, что имеющий две рубашки вовсе не обязан отдать одну из них бедняку. Напротив, Бертольд считает ересью утверждение, что тот, кто не выполнит эту заповедь,

никогда не спасется: «Тьфу, проклятый еретик! Тогда бы никто не спасся, ни духовные лица, ни миряне: бывает, что кто-то нуждается еще и в третьей (рубашке — Е.К.)» [20]. Любовь к ближнему у Бертольда ограничивается надлежащим обеспечением хозяевами своих работников пропитанием, одеждой и пристанищем, с одной стороны, и верной службой последних, с другой. Учение Бертольда, не подвергая сомнению социальное неравенство, пытается смягчить его в сословных рамках.

В том, что люди, находясь во власти собственной выгоды, недобросовестно исполняют возложенные на них обязанности, проповедник усматривает серьезную угрозу для гармоничного порядка, основанного на христианской любви. Бертольд видит, что поведение людей определяет не взаимная поддержка и ответственность, а стремление к своекорыстным целям. Это проявляется в том, что господа не заботятся о своих слугах, удерживая заслуженную оплату и даже урезая суточный рацион, в том, что слуги обворовывают своих хозяев, а ремесленники и торговцы обманывают и обвешивают заказчиков и покупателей [21]. Гарантированный порядок всех сословий и профессий терпит тем самым крушение.

Осуждая индивидуальный эгоизм, разрушающий общественную гармонию, Бертольд особенно часто подвергает критике стяжательство. Порицания алчности присутствуют в каждой проповеди без исключения. Рассматривая любую тему, будь то сословный строй или семейный быт, благодетели или пороки, автор неизменно обращается к самому ненавистному для него греху. Алчности, по его мнению, подвержены все: и молодые и старики, и мужчины и женщины, и благородные и простолюдины, и священники и миряне. Проповедник сравнивает людей, имеющих много добра, приобретенного нечестными способами, и тех, кто долго живет в ереси. Он говорит, что у алчного так же трудно отобрать награбленное, как цинк отделить от меди, что легче обратиться в истинную веру иудея или язычника, чем алчного человека. Насколько алчные упрямы в своем грехе, Господь показал миру на примере Иуды [22]. Заканчивая одну из проповедей традиционным «Аминь», проповедник тут же восклицает: «Тьфу, алчный! Твой «Аминь» звучит в ушах Господа подобно собачьему лаю!» [23].

Стяжательство является одним из наиболее тяжких пороков, так как нарушает угодный Богу общественный порядок. Согласно точке зрения Бертольда, Господь дал все, что требуется миру, в

достаточном количестве. Материальные блага представлены в пропорциональном отношении с числом людей, их потребляющих; они предназначены в равной степени для всех членов общества. Существование бедности при этом объясняется несправедливым распределением благ в результате своекорыстных действий стяжателей [24]. Поэтому стремление к собственной выгоде во вред другим людям причисляется к смертным грехам. Алчным отказывается в прощении и покаянии до тех пор, пока они не возместят ущерб, причиненный имуществу ближнего и не вернут награбленное добро [25].

В то же время Бертольд не требует имущественного равенства. Так, человек в высоком социальном положении вполне справедливо претендует на большее, чем человек более низкого сословия, и это не является грехом [26]. Проповедник призывает довольствоваться своей долей и не роптать на то, что Господь одних наделил богатством, а других нет [27]. Соответствуя традиции сословного учения церкви, Бертольд все же преодолевает свойственное ей неоспоримое закрепление имущества за отдельными сословиями. Он осуждает дворянское мотовство, растрачивание средств на турниры, игры и скоморохов [28]. Дарованное Богом богатство следует использовать на милостыни, строительство дорог, основание монастырей и другие добрые дела [29].

Резкому осуждению в проповедях Бертольда подвергаются ростовщичество, сделки под залог, скупка товара для перепродажи по завышенным ценам. Главным обвинением в адрес этих проявлений алчности выступает торговля временем, которое принадлежит одному лишь Богу [30]. «Время купца» в отличие от «времени церкви» связано с потенциальным выигрышем, «так как имеющий деньги предполагает получить прибыль с ожидания оплаты того, кто в данный момент деньгами не располагает», «купец строит свою деятельность, исходя из предположений, в которых время — самая соль» [31]. Отказ в извлечении прибыли за счет времени представляет собой, таким образом, подрыв всякой возможности развития кредита. Фактически же в XII—XIII веках как раз различные способы спекуляции на времени приобретают все большее значение для хозяйственной деятельности. В экономическую жизнь города и деревни Западной Европы все шире проникает денежное обращение и кредитное дело. Деньги начинают пониматься не просто как эквивалент стоимости товара, но все больше осознается их собственная ценность, при-

носящая плоды. Рациональное использование денег в нескончаемом круговороте инвестиций и получения прибыли приводит к их накоплению, обуславливает стремление к обогащению и наживе. При этом достижение успеха предполагает активную экономическую позицию, расчет и дальновидность в ведении дел. Как раз это неутомимое стремление к получению максимальной прибыли, когда речь идет больше не об удовлетворении основных потребностей, но о неограниченном накоплении богатств, Бертольд клеймит как наихудший из пороков и преступление против самого Бога: «Вы, другие грешники, шадите Бога в своих грехах хотя бы время от времени... Но алчные не оставляют в покое Господа Всемогущего ни на минуту, потому что заключили мир с чертом. Только подумай, ты, жадина, ростовщик или перекупщик: с тех пор, как ты сегодня сюда (на мессу — прим. автора) пришел, ты уже определенно заработал ростовщичеством или перекупкой четыре пфеннига, и с тех пор, как я начал эту проповедь, ты уж точно стал на полпфеннига богаче, чем был прежде» [32]. «Сколько бы он (алчный — прим. автора) не имел добра, все же считает себя бедным; подобно саранче, которая никогда не насытится, алчный никогда не получит достаточно» [33].

Следует подчеркнуть, что представления Бертольда Регенбургского ни в коей мере не ограничиваются непримиримой критикой явлений экономической жизни, связанных с развитием денежного обращения. У проповедей нет четкой направленности против общественных групп, активно занятых в товарно-денежном хозяйстве. От алчности предостерегаются представители всех социальных слоев. Батраки, которые нечестно исполняют возложенные на них обязанности и воруют хозяйское имущество, также упрекаются в этом грехе, как и рыночные торговцы, продающие испорченный товар и обвешивающие покупателей. Бертольд считает необходимой для общества деятельность купцов, так как они привозят из дальних стран товары, в которых нуждаются люди. Торговля также является трудом, который должен справедливо вознаграждаться. Купеческая прибыль обосновывается различием в ценах на одни и те же товары в разных странах [34]. Интересам купцов напрямую соответствует осуждение Бертольдом несправедливых пошлин, произвольных поборов и притеснений наместников [35]. Позитивная оценка торговли у Бертольда перекликается с современными ему учениями Фомы Аквинского, Бонавентуры, Альберта Великого и других схоластов, которые

обосновывали правомерность деятельности купцов и получаемого ими дохода [36]. На фоне непримиримой борьбы Бертольда с ростовщичеством вызывает интерес то обстоятельство, что в тексте проповедей встречается легитимация предоставления займа под залог. Бертольд проводит дифференциацию между ростовщичеством и дозволенными церковью сделками. Этот факт попытки разъяснения широкой публике разницы между дозволенными и недозволенными формами кредита является исключением в дидактической литературе рассматриваемого периода. Обычно проповедники, резко осуждая ростовщичество, не стремились четко объяснить, какие именно явления попадают под это понятие с точки зрения церковного права [37]. Средневековая церковь запрещала взимание процента за предоставление кредита. По решениям II и III Латеранских соборов 1139 и 1179 гг. ростовщикам грозило отлучение от церкви и отказ в погребении по христианскому обряду. Но по мере интенсивного развития товарно-денежных отношений церковным авторам становится ясно, что без оборота капитала невозможно нормальное функционирование экономики. В связи с этим в схоластике происходит переосмысление понятия «ростовщичество», допускаются исключения, открывающие возможности для оправдания взимания процентов (потенциальный риск, неизвестность, возможный убыток, просрочка платежа) [38]. У Бертольда речь идет о покупке ренты — разновидности кредита, не попадающей, с точки зрения канонического права, под определение «ростовщичество». Проповедник рассматривает ситуацию, когда человек, оказавшийся в нужде, берет ссуду, закладывая свое имущество. Заимодавец при этом вполне законно получает прибыль в результате ренты до тех пор, пока имущество не будет выкуплено прежним владельцем [39]. Присутствующее в проповедях разрешение предоставления займов шло навстречу потребностям общества, для которого кредитные операции в связи с возрастанием значения денег становились жизненно важной необходимостью.

Происходящие в период развитого средневековья социально-экономические процессы, связанные с развитием товарно-денежного хозяйства, предопределили постепенную трансформацию убеждений, норм и представлений, определяющих общественное сознание. Воспитательная функция проповедей Бертольда Регенбургского состояла в указании ориентиров правильного, с точки зрения церкви, поведения для обеспечения общественной

целостности в изменившихся условиях. В содержании проповедей нашли отражение новые ценности, связанные с пониманием важности экономической составляющей общественных отношений. Для них характерен отказ от аллегорического толкования мира, обращение к насущной действительности, чем достигается близость к аудитории. Изменившийся социальный порядок нельзя было больше толковать традиционными методами, не говоря уже о том, чтобы оказывать на него влияние. Формы и содержание духовного наставничества, рассчитанного на воздействие на мировоззрение и поведение слушателя, должны были соответствовать новым жизненным обстоятельствам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гуревич А.Я.* Личность, призвание, богатство и спасение в проповеди Бертольда Регенсбургского / А. Я. Гуревич // Избранные труды. Т. 2. Средневековый мир. — М. — СПб., 1999. — С. 388—450.
2. *Richter D.* Die deutsche Überlieferung der Predigten Bertholds von Regensburg. Untersuchungen zur geistlichen Literatur des Spätmittelalters / D. Richter. — München, 1969. — S. 213.
3. *Gruel R.* Geschichte der deutschen Predigt im Mittelalter / R. Gruel. — Detmold, 1879. — S. 2; *Linsenmayer A.* Geschichte der Predigt in Deutschland, von Karl dem Großen bis zum Ausgange des vierzehnten Jahrhunderts / A. Linsenmayer. — München, 1886. — S. 28.
4. Berthold von Regensburg. Vollständige Ausgabe seiner Predigten / hg. Fr. Pfeiffer. — Bd. 1. — Wien, 1862. — S. 16.
5. Ibid. — S. 140—156.
6. Ibid. — S. 142.
7. Ibid. — S. 145—146.
8. Lühe I. von der, Röcke W. Ständekritische Predigt des Spätmittelalters am Beispiel Bertholds von Regensburg // Literaturwissenschaft und Sozialwissenschaften; 5. Literatur im Feudalismus / hg. D. Richter. — Stuttgart, 1975. — S. 50.
9. Ibid. — S. 51—52.
10. Berthold von Regensburg. — S. 150.
11. Ibid. — S. 146.
12. Ibid. — S. 11—28.
13. Ibid. — S. 13.
14. *Oexle O.G.* Deutungsschemata der sozialen Wirklichkeit im frühen und hohen Mittelalter. Ein Beitrag zur Geschichte des Wissens // Mentalitäten im Mittelalter. Methodische und inhaltliche Probleme / hg. F. Graus. — Sigmaringen, 1987. — S. 66.
15. Berthold von Regensburg. — S. 14.
16. Ibid. — S. 17.
17. Lühe I. von der. — S. 55.
18. Ibid. — S. 18.
19. Ibid. — S. 271.
20. Ibid. — S. 406.
21. Ibid. — S. 58, 91.
22. Ibid. — S. 420, 225, 258, 439.
23. Ibid. — S. 109.
24. Ibid. — S. 257.
25. Ibid. — S. 334.
26. Ibid. — S. 440.
27. Ibid. — S. 271.
28. Ibid. — S. 25.
29. Ibid. — S. 190.
30. Ibid. — S. 271.
31. *Ле Гофф Ж.* Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада / пер. с франц. С. В. Чистяковой и Н. В. Шевченко под ред. В. А. Бабинцева. — Екатеринбург, 2000. — С. 36.
32. Berthold von Regensburg. — S. 244.
33. Ibid. — S. 417.
34. Ibid. — S. 32.
35. Ibid. — S. 73.
36. *Kühnel H.* Die Minderbrüder und ihre Stellung zu Wirtschaft und Gesellschaft // 800 Jahre Franz von Assisi. Franziskanische Kunst und Kultur des Mittelalters / hg. H. Kühnel. — Wien, 1982. — S. 42—43.
37. *Rösch G.* Wucher in Deutschland 1200—1350. Überlegungen zur Normdidaxe und Normrezeption // Historische Zeitschrift. — Bd. 259. — 1994. — S. 611—612.
38. *Rösch G.* Wucher in Deutschland 1200—1350. Überlegungen zur Normdidaxe und Normrezeption // Historische Zeitschrift. — Bd. 259. — 1994. — S. 611—612.
39. *Gilomen H.-J.* Wucher // Lexikon des Mittelalters / hg. R.-H. Bautier. — Bd. 9. — München, 1998. — S. 341—345.
39. Berthold von Regensburg. — S. 437.